

ТОР
ЧИ
ЕВГЕНИЙ
НОВ

ПУТЬ ДРАКОНА

Евгений Алексеевич Торчинов

Путь Дракона

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43321540

Путь Дракона / Евгений Торчинов: РИПОЛ классик, Пальмира; Москва;

2019

ISBN 978-5-386-12420-5

Аннотация

В издании представлены два романа известного петербургского востоковеда и религиоведа Евгения Торчинова. «Апостолы Дракона» – продолжение истории о Константине Ризине, научном сотруднике Института трансперсональной психологии, и необыкновенных происшествиях в его академической жизни. Второй роман – «Китайская рапсодия» – незавершенное и никогда не упоминавшееся автором произведение, обнаруженное в 2014 году уже после его кончины. Его герой, Павел Замятин, доцент кафедры китаеведения Санкт-Петербургского института восточных культур, рассказывает о том, как началось его увлечение Китаем, и о своей первой поездке в эту страну. Там он предпринимает путешествие, чтобы встретиться с даосом, который якобы владеет рецептом эликсира бессмертия. Оба романа во многом автобиографические и отражают научные интересы автора.

Содержание

Апостолы Дракона	4
Пролог	5
Глава I,	7
Глава II	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Евгений Торчинов

Путь Дракона

Апостолы Дракона

Алхимический роман

*Не высотой славны горы, а живущими
на них бессмертными.*

*Не глубиной одухотворяются воды,
а пребывающими в них драконами.*

Поэт Лю Юй-си (772–842)

Персонажи и учреждения, упомянутые в этом произведении, являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми и организациями либо с подлинными событиями носит случайный характер и не входило в намерения автора.

Пролог

Свет, один лишь Свет, бесконечный, безграничный сиял до начала начал всех времен, и не было ничего, кроме Света. И возжелал Свет создать миры, но не было места для миров, ибо Свет был всем, и не было ничего, кроме Света. И тогда Свет сократился, ушел из центральной точки (но где центр Бесконечности, не повсюду ли в равной мере?) и там, откуда ушел он, возникла зияющая пустота ничто, разрыв в основах ткани бытия. И вот туда, в лоно миров, Свет направил свой луч творящий, миры сотворяя им, словно кистью художник. И так появилось соцветие вселенных.

Но возжелал творить не весь Свет безначальный. Боренье в нем самом возникло и расколосось бытие, само себе ответить не способно на вопрос, творить или не творить. Часть Светов восприняла творенье словно бунт против превечного покоя Абсолюта и отвергла даже мысль о том, чтобы участвовать в творении.

Тогда творящий Свет, преодолев сопротивление Света, отвергшего творение, его связал своим могучим Словом и сверг в пустотное пространство небытия, в глубины бездны пустоты ничто, там заточив его. С тех пор Светы, отвергшие творение, подобные драконам светозарным, таятся там, мечтая выйти на свободу и возвратиться к незыблемому покою Абсолюта. И иногда, лишь крайне редко, тонким излучени-

ям отвергшего творение Света удастся освободиться из темницы и выйти в мир, ими ненавидимый премного. И если так случается, то мир бывает подвержен потрясениям немалым.

И вот один из таких Драконов появился вновь в первый год XXI века как московский ученый Андрей Королев, но его разрушительные планы потерпели поражение, как об этом рассказывается в романе «Путь Самки». Дракон вернулся в бездны техиру, но апостолы и последователи Дракона остались. О них и будет рассказано здесь.

Глава I, которой герой повествования получает некое приглашение

Я сидел за своим столом в секторальном кабинете института и задумчиво вертел в руках только что полученное письмо. Шел ноябрь месяц, уже установилась холодная зимняя, хотя и бесснежная погода, что было, конечно, много лучше, чем обычная для этого времени года изморозь во мраке. Днем было даже солнечно, хотя, увы, в наших широтах солнце в это время года слишком рано садится, уступая место ночной мгле. Можно сказать, что в наших полуночных землях избыток как ян, так и инь: летом слишком светло, знаменитые белые ночи, а зимой слишком темно... Но что поделаться, приходится как-то приспособливаться к этим контрастам.

Итак, стоял ноябрь уж у двора (точнее, уже был на дворе). С конца июля, когда трагические события метафизического, можно сказать, характера привели к раскрытию дела о хищении психоделика, в моей жизни произошло несколько изменений. Во-первых, я начал преподавать: Русский гуманитарный университет пригласил меня прочесть для студентов старших курсов лекции по психопрактике мировых религий, на что я согласился прежде всего из желания подрабо-

тать. Однако, к моему полному изумлению, преподавать мне понравилось, я с удовольствием читал лекции, консультировал студентов и даже взялся руководить несколькими курсовыми. Преподавание в этом университете велось исключительно в вечернее время, что мне тоже было удобно (терпеть не могу рано вставать и куда-то нестись, да и соображаю я по утрам неважно). Последнее время руководство РГУ даже стало намекать: не создать ли им кафедру трансперсональной психологии с тем, чтобы я ее возглавил. Подобный поворот событий, однако, пока не входил в мои планы (точнее, я не был к нему морально готов), поэтому я отвечал на эти намеки весьма неопределенно, хотя и не отрицательно: поживем, дескать, увидим.

Это во-первых. А во-вторых, вдруг внезапно сдвинулась с мертвой точки докторская защита. В один прекрасный день призвал меня к себе заведующий нашим сектором Алексей Митрофанович Евлампиев и сообщил, что руководство института и сам Георгий Тигранович лично не возражают против того, чтобы я защищался. Но не в нашем институте, а где-нибудь в другом месте, например в университете (имелся в виду, конечно, «большой» университет – Санкт-Петербургский государственный). Я навел справки и выяснил, что в СПбГУ защититься вряд ли удастся из-за тамошней внутренней конъюнктуры, но зато моей темой заинтересовались в СПб части Института культурологии и культурной антропологии РАН. Зав. сектором культурной антропологии про-

фессор Михаил Александрович Решетников прочитал текст моего опуса и решительно порекомендовал мне защищаться у них на спецсовете по культурной антропологии. Пришлось, правда, изменить формулировку темы: из «Психопрактики даосизма. Опыт трансперсонального анализа» она превратилась в «Даосские практики. Опыт культурно-антропологического описания». Впрочем, что в лоб, что по лбу, как говорится. Ну и третье: уважаемое издательство «Петербургский трансперсонализм», располагавшееся в стенах нашего храма науки, издало и монографию по теме диссертации, так что все формальные препятствия к защите исчезли.

И вот в результате я разрывался между основным местом работы (СПб отделение Института трансперсональной психологии РАН): я честно ходил «в присутствие» три раза в неделю (третий, впрочем, не всегда), вечерними лекциями в РГУ и диссертационными хлопотами в СПб Ф ИКиКАРАН (бумаги, бумаги, бумаги...). Дома все было, хвала всем богам, благополучно: Инна занималась переводами и вела хозяйство (все-таки она работала дома, и ей не надо было бывать «в присутствии»), а Филипп, без особых, впрочем, успехов, учился в восьмом классе, осваивал разные компьютерные премудрости и изводил нас по вечерам тяжелым роком. Но когда в семье нет перемен, а все идет своим чередом, оно и к лучшему. Я, по крайней мере, так считаю. Одним словом, все было хорошо. И вот теперь это письмо... В нем, собственно, не было ничего плохого или даже тревожного, но

чем-то оно мне определенно не нравилось.

Я снова (в который уже раз) развернул это послание и перечитал его. Письмо было написано на бланке некоего общества «Путь Дракона» (юридический адрес, телефон, факс, электронная почта) и гласило:

Уважаемый Константин Владимирович!

Зная Вас как известного ученого и специалиста в области трансперсональной психологии, религиоведения и измененных состояний сознания, мы рады пригласить Вас на презентацию нашего Общества, которая состоится в четверг 15 ноября в 18.30 в помещении Русского Императорского Географического общества.

С уважением,

Президент общества «Путь Дракона»

/А. И. Богословский/

Вот, собственно, и все. Казалось бы, самое обычное письмо. Таких писем со всякими приглашениями и просьбами о консультациях каждый сотрудник нашего института получал десятками. И место презентации вполне респектабельное – Географическое общество... К тому же все знали, что я занимаюсь китаеведными сюжетами – даосскими психотехниками, поэтому «Путь Дракона» тоже не вызывал особого удивления (вон сколько китайских ресторанов с названиями «Золотой дракон», «Дракон и тигр», «Императорский дракон» теперь появилось в Питере, Москве и других крупных городах РАСЕИ-МАТУШКИ). Беспокоило меня другое. Ес-

ли «дракон» здесь мыслился, так сказать, в китайском контексте, то естественным было бы ожидать в дизайне бланка сего славного общества китайских иероглифов. Но их не было, ни одного... Вместо китайских иероглифов в верхней части бланка по центру красовалась первая буква ивритского (арамейского, идишского) алфавита: прославленный Борхесом «алеф». Вот этот-то алеф и смущал меня, меняя всю культурную семиотику слова «дракон». И эта семиотика меня пугала, напоминая о бурных, мучительных и трагических событиях лета этого года, тесно связанных именно с Драконом, но Драконом не китайской символики, а каббалистической мистики, одним из драконов учения каббалистического мессии Саббатая Цеви и его пророка-визионера Натана из Газы. И именно это мне не нравилось. Я решил сделать допущение, что в названии приглашающего меня Общества имеется в виду именно саббатианский дракон, и прикинуть, что в таком случае это может означать. Мои выкладки мне опять-таки не понравились.

Я прекрасно помнил, что Андрей Королев, низвергнутый обратно в бездну Дракон, в свое время приглашал меня в свою организацию. У меня в ушах прямо-таки звучал его голос:

– Константин, вы же умный человек. Ваши работы хорошо известны. Я думаю, что в России мало молодых трансперсоналистов вашего уровня. Надо готовить людей к возвращению Машиаха. Согласны вы работать с нами?

Тогда я ответил на это:

– С вами? А сколько вас и кто вы такие?

– Неважно, сколько нас, считайте, что я и Илья, но это ничего не значит, у нас много работы и нам нужен классный трансперсоналист.

Далее я категорически отказался, и наш разговор завершился так:

– Вряд ли живым существам нужны какие-то инфантильные полуподпольные сообщества.

– Короче говоря, вы отказываетесь?

– Совершенно определенно.

После этого Андрей ушел от меня, предварительно загипнотизировав. Дескать, не хочешь работать добровольно, будешь принудительно. И я, увы, работал... Впрочем, об этом уже подробно рассказано.

Допустим, что теперь после ухода самого Дракона, или Анти-Христа, как мы еще его называли, остались его последователи, та самая организация, о которой он говорил. Ясно, что никакого Ильи (Илья Гданьский, мой приятель) там нет и не было, он был какое-то время тоже несколько зачарован, вот и все. Но кто там есть и что им надо? Тут я вспомнил анекдот, слышанный мной еще в детстве.

Приходит к хирургу пациент и говорит:

– Доктор, у меня в животе лягушка сидит и из меня соки сосет.

Ну хирург разрезал больного, снова зашил и сказал, что

лягушку из желудка удалил. Больной подумал-подумал и сказал:

– Да, лягушку удалили, а лягушата-то остались!

Как бы и тут такого не получилось: Дракона-то больше нет, а его последователи и клеветы остались. Если это так, то что им от меня нужно? Вряд ли они обращаются ко мне с хорошими намерениями. Наверняка считают причастным к провалу разрушительных планов своего господина и лелеют мысли о мщении. А если они фанатики, то ничего хорошего мне не светит. А они наверняка фанатики.

Так что же делать – идти или не идти (прямо-таки гамлетовский вопрос)?

Если я пойду, то все, по крайней мере, скоро выяснится. А если не пойду? Не оставят они меня в покое, если уже зацепили, все равно рано или поздно достанут, как теперь говорят. Может быть, позвонить Анатолию, оккультисту с погонами ФСБ? Ну уж нет, буду сам расхлебывать. А Анатолий никуда не денется, это уж средство на крайний случай. Не будут же они сразу меня вешать или жечь на костре. Если ни к саббатианству, ни к Андрею Королеву они никакого отношения не имеют и просто являются каким-нибудь клубом ушу или цигун, то тоже ничего страшного не случится, просто время потеряю. Ну один вечер можно, не все же по жесткому графику жить. Таким образом я уговорил сам себя нарушить мое обычное правило игнорировать подобные приглашения и пойти на презентацию общества «Путь дра-

кона». Было еще только 12 ноября, и у меня оставались пара-тройка дней подготовиться к мероприятию. Для начала я все же решил встретиться с Ильей и спросить, не встречался ли он с кем-нибудь из сторонников Андрея в период своего мессианского помрачения.

Я позвонил ему в психотерапевтический центр «Асклепий», в котором он работал. Илья оказался на месте:

– Привет! Что, опять мессия явился? Вряд ли ты мне просто так звонишь. Теперь-то уж меня не проведешь. Ну выкладывай, что еще там случилось в космическом масштабе?

– Знаешь, Илья, я все-таки в институте, телефон в коридоре, сам понимаешь. Может быть, после работы встретимся, выпьем пивка-кофейка?

– Ну хорошо, давай на Петроградской где-нибудь. И тебе удобно, и мне. Давай в шесть у выхода с эскалатора, да, на Петроградской. Атам найдем какое-нибудь заведение.

– Все, договорились, до встречи.

– Пока.

Тут я вспомнил, что у меня есть знакомая дама в Отделе юстиции Петербурга, где как раз регистрируют религиозные и общественные организации. Я не раз консультировал ее по вопросам регистрации разных религиозных общин, особенно с восточным оттенком, и она прониклась ко мне уважением. Я не стал звонить с телефона в коридоре нашего этажа, а спустился вниз, где имелась более или менее изолированная от любопытных ушей кабинка. Порывшись в записной

книжке, я обнаружил нужный телефон и позвонил.

– Здравствуйте. А можно попросить Веру Михайловну? А это как раз вы, рад вас слышать, Вера Михайловна. Это вас Ризин, да, Константин Ризин из ИТП РАН беспокоит. Не забыли меня? Нет? Ну прекрасно, прекрасно. Что? Брахма कुमारис? Дщери Брахмы, что ли? Нет, про этих весталок я ничего не знаю, не мой профиль. Позвоните лучше индологам в Институт востоковедения или на Восточный факультет. Хорошо, хорошо, не за что. А у меня к вам просьба есть огромная, Вера Михайловна. Да, у вас тут недавно должна была зарегистрироваться общественная организация, «Путь Дракона» называется. Не помните, что у них там в уставных документах. Помните? А, так только что зарегистрировали... Да, меня как раз на презентацию пригласили. Поэтому и хочу узнать, что это такое. А то не хочется к разным шаманам-шарлатанам ходить...

Через минуту я уже знал, что общество «Путь Дракона» ставит своей целью изучение и творческое освоение (так прямо и было сказано, надо же!) эзотерического наследия человечества и мистико-герметических традиций Востока и Запада. Общество планирует издавать серию эзотерических текстов «Темный Свет» (гм...), заниматься благотворительной и коммерческой деятельностью и так далее и тому подобное.

Рассыпавшись в благодарностях, я распрощался с Верой Михайловной. Увы, ее информация мне ничего не дала:

учредительные документы были составлены нарочито обтекаемо и предельно неконкретно. Впрочем, и это информация: темнят, что-то скрывают. Серия «Темный Свет»... Может быть, здесь скрыт намек на «безмысленные» нетворящие Светы каббалы Натана из Газы. А может быть, просто Розанов, Василий Васильевич, со своим «Темным ликом» и «темным светом» религии... Непонятно. Имена учредителей мне тоже ни о чем не говорили, во всяком случае, среди моих знакомых они явно не числились.

Я поднялся на свой этаж, потрепался о том о сем со своим дружкой Серегой Соловьевым (когда я встретил его в курилке на лестничной площадке, он разносил на чем свет стоит «Остров накануне» Умберто Эко, заявив напоследок, что у этого автора всегда все начинается за здравие, а кончается за упокой, что лично ему неприятно), потом сыграл партию в шашки с Георгием Леопольдовичем Троллем, которому заодно подарил свою новоизданную книжку и автореферат диссертации, напомнил в секторе, что в среду делаю доклад на институтском семинаре и надеюсь увидеть на нем коллег, и покинул институт. До встречи с Ильей мне хотелось еще заглянуть в БАН – Библиотеку Академии наук («ты где был?» – «в БАНе», любимая аспирантская шутка, передающаяся из поколения в поколение) – и заказать там на абонемент кое-какие книги. Ну, а раз БАН, то придется и на психфак университета заглянуть... Так время и пролетело. В результате я чуть не опоздал на встречу с Ильей и влетел в ве-

стибюль метро «Петроградская» совершенно запыхавшимся: от кольца маршрутки на Бармалеевой я буквально бежал, а мой остеохондроз реагирует на бег жуткой одышкой, увы.

К моему удовольствию, я все же пришел на условленное место первым. Правда, ждать мне особенно не пришлось, и Илья появился (тоже с улицы, а не из жерла эскалатора) буквально через пару минут. Близ ДК Ленсовета (даже не знаю, переименовали ли его сейчас) мы нашли приемлемое заведение с кофе и пивом (я взял пиво и гамбургер, а Илья – кофе и бутерброд с селедкой) и приступили к беседе.

– Вот, посмотри. – Я подал Илье пригласительное письмо. Илья внимательно прочитал его.

– Ну и что? Какой-нибудь клуб ушуистов или любителей китайской кухни.

– Как бы не так, кухни... Обрати внимание на буковку в виньеточке. А? Что, узнаешь родной алеф?

– Ну, узнаю. И опять-таки что тут такого? Ну образованные люди, Борхеса читают. Что ты паникуешь из-за всякой ерунды! Тебе, правда, к нам в центр надо подлечиться.

Я подробно изложил Илье свои соображения. Он задумался.

– Да, Костик, не исключено, конечно, не исключено. Но наряду со всем прочим. Фифти-фифти, так сказать...

– Скажи, пожалуйста, друг мой ситный, в период твоего знакомства с покойным Андреем тебе ничего не приходилось слышать о его организации? Или, может быть, ты встре-

чался с кем-нибудь из его знакомых?

– Нет, нет и нет. Только с ним. Кстати, ты сказал, что в Отделе юстиции тебе имена учредителей назвали. Ты запомнил?

– Запомнил фамилии три, кажется. Ну, во-первых, этот самый А. И. Богословский. Во-вторых, некий Артамонов. И еще дама по фамилии, по фамилии... как же ее... а, да! Тигринская! Такая своеобразная фамилия, а я чуть не забыл.

На Тигринскую Илья не отреагировал ровным счетом никак, а вот фамилия Артамонов его чем-то заинтересовала.

– А ты не помнишь, как его зовут? Не Павел ли Аркадьевич?

– Нет, не помню. Она мне без имен-отчеств называла.

– Гм... А не позвонишь ей сейчас еще разок уточнить? Тут в двух шагах таксофон есть, а я тебе карточку дам.

– Хорошо, позвоню.

Через пять минут я уже знал, что да, учредителя Артамонова зовут именно Павел Аркадьевич.

– Любопытно... – протянул в задумчивости Илья, – похоже, это тот самый. Ладно, слушай теперь мою историю. – И Илья поведал мне нечто такое, что меня, прямо скажем, заинтриговало, хотя ничего и не разъяснило.

Итак, Илья повествовал:

– Я встречался с этим Артамоновым лет этак двадцать пять (уже четверть века прошло!) тому назад, при застое, так сказать. Ты тогда вообще еще в школе учился, а я был сту-

дентом. Несмотря на мой вполне позитивистский настрой, я интересовался всем подряд и общался с самыми разными людьми. Потом, когда я уже стал психотерапевтом, это пригодилось. Знание людей и их интересов всегда помогает. Весной 1975 или 1976 года познакомили меня с одной компанией, якобы мистиков и оккультистов. На самом деле, ребята просто собирались вместе поразвлечься под таким пряным соусом. Из всей этой компании серьезно к оккультным наукам относился, пожалуй, только один человек, считавший себя астрологом. По-моему, сейчас он стал даже профессиональным астрологом, причем не шарлатаном (это не значит, что я всерьез отношусь к астрологии, но он как раз относится). Ну а тогда мы развлекались. Ездили вместе в Пушкин и Павловск, обсуждали Кастанеду и все такое прочее. Иногда на эти сборища стал захаживать еще один человек, постарше нас лет на десять, я думаю, ну очень нелюдимый был: придет и сидит в углу. Это как раз и был Артамонов. Привела его к нам некая Марина, которая играла-играла в йогу и тантру, а в результате стала такой православной тетушкой из-за свечного ящика – в платочке и синей юбке до пят. Но тогда это была йогини и даки-ни, о православии и слышать ничего не хотела. Так вот, эта самая Марина сказала, что Артамонов – очень интересный человек, настоящий алхимик. Правда, об алхимии (да и о чем-либо ином) он по-малкивал, только сидел в углу, молча смотрел на нас и чай попивал.

Однажды я не выдержал, разобрало меня любопытство, и я завел разговор об алхимии. Тут меня и наш астролог подержал. Забавно это у них. Когда начинаешь, исходя из позитивистских критериев, критиковать астрологию, астрологи вам сразу же скажут, что к их науке с позиций ньютоно-картезианской парадигмы подходить бессмысленно и что тут нужен иной мировоззренческий контекст. Но когда они обрушиваются на конкурирующие фирмы – на магию там или алхимию, сами становятся позитивистами и выдвигают точно такие же аргументы, которые с негодованием отвергали, когда эти аргументы адресовали им. Наш астролог именно этим занялся. Артамонов послушал немного молча, потом махнул рукой и перевел разговор на другую тему, очень скоро незаметно выйдя из него и снова погрузившись в отстраненное созерцание происходящего. Меня его реакция заинтересовала даже чисто психологически, и когда народ стал расходиться, я пристроился к Артамонову и дошел с ним почти до его дома. Тут уж (когда вдвоем идешь) не отмолчишься, пришлось ему поговорить со мной. И этот разговор оказался достаточно интересным.

Я начал с того, что спросил, а как он, собственно, занимается алхимией что-то там переплавляет, сплавляет или что? Тогда ведь даже книжка Рабиновича еще не вышла, я об алхимии имел самое что ни на есть обывательское представление. Он улыбнулся и говорит: «Нет, я иностранными языками занимаюсь». Я так и остолбенел. «Не понимаю», – гово-

рю. Он снова улыбается. «Понимаете, – это он мне объясняет, – где-нибудь на Западе, во Франции, скажем, может быть, и можно найти настоящего учителя. Там все-таки еще недавно Фулканелли был, да и другие». В скобках замечу, что тогда я впервые имя Фулканелли услышал, потом второй раз – от тебя совсем недавно, когда у вас этот пресловутый препарат украли. Но вернусь к нашему разговору с Артамоновым. «В Риме такой есть Клоссовски ди Рола, тоже вроде бы настоящий алхимик. А у нас... Все самому приходится из книг, из текстов, из источников. А источники, увы, не по-русски писаны. По-русски даже Линн Торндайк про историю магии в Европе не прочтешь, английский надо знать. А чтобы источники читать... Но мне повезло, я филфак, французское отделение окончил. Значит, основы старофранцузского и латыни у меня есть, и слава Богу. Поэтому занимаюсь другими языками – немного древнегреческим, так основами, а больше – арабским и китайским». – «Китайским!» – воскликнул я (надо сказать, что тогда Китай у меня больше ассоциировался с переломанными пальцами у музыкантов, хунвэйбинами и прочими эксцессами культурной революции, а никак не с алхимией). «Ну да, китайский. В Китае алхимия процветала, когда в Александрии к ней еще только приступали. К тому же китайцы единственный народ, проведший четкую грань между внешней и внутренней алхимией и развивший и ту, и другую». Тут он мне поведал вкратце про лабораторную и психофизическую алхимию, ну, как раз про то, про что у

тебя в книжке так подробно. У меня просто глаза на лоб полезли, я и не подозревал, что китайцы таким занимались... Я-то все думал – «горсточка риса,дохлая крыса и преогромный Мао портрет», а тут такое. Потом я в Публичке по-английски Юнга прочитал про алхимию, спасибо Артамонову, а то так и пребывал бы в неведении.

Скоро мы с ним распрощались. Домой он меня не пригласил, да и в нашей компании бывать перестал, больше я его и не видел. И вот теперь твой «Путь Дракона».

Илья закончил свой рассказ. Надо сказать, он меня несколько успокоил. Про каббалу ни слова, Китай, Фулканелли, ди Рола, арабский язык... Наверно, обжегшись на молоке, я уже на воду дую. Скорее всего, этот Дракон саббатинским драконам не товарищ. Оно и к лучшему. Я твердо решил пойти на презентацию.

Мы вышли на улицу. Было совсем темно, но ясно. На небе сияли уже по-зимнему яркие звезды. Снега почти не было, но тротуар уже местами обледенел. Время от времени налетали порывы морозного ветра. Я застегнул верхнюю пуговицу своего плаща и потуже затянул на шее шарф. Илья пошел на метро, я пешком направился к себе на Съезжинскую. Надо сегодня лечь пораньше спать – завтра много беготни по диссертационным делам – один оппонент, другой оппонент (один был из Москвы, и ему я отправил текст диссертации с оказией), надо в ведущее учреждение забежать, проверить, пишут ли они отзыв, не проконтролируй, так ведь забудут

еще. Бывали такие случаи... Предаваясь этим суетным мыслям, я незаметно добрался до дома, где получил мягкий выговор от Инны за то, что не предупреждаю, что задерживаюсь (а телефон у вас в институте зачем?), и ультимативное требование Филиппа выдать ему двести рублей на комиксы (одновременно было заявлено, что в школе все нормально, двоек и вызовов родителей нет – слава Богу, а то ведь бывало, бывало и даже неоднократно). У Инны было испрошено прощение, Филиппу обещаны деньги после зарплаты (явная демонстрация недовольствия), ужин, компьютер с одновременным включением телевизора и, наконец, койка. Только бы драконы не снились, подумал я, засыпая. Они и не приснились...

Если вы заинтересовались рассказанным, добро пожаловать в следующую главу!

Глава II

Презентация и демонстрация. Чем-то подозрителен все же этот «Путь Дракона»

В четверг в 18.30 я входил в почтенное здание Географического общества в Гривцовом переулке, прогулявшись до него пешком аж от Гостиного двора по Садовой. Как ни странно, не опоздал. В Географическом обществе было тихо и пусто. Стены, слышавшие Пржевальского и Миклухо-Маклая, внимали тишине. Казалось, что здание вымерло. Все респектабельно, достойно, даже величественно («аромат высокой древности», как сказали бы в старом Китае), но... слишком похоже на храм богов, которым перестали поклоняться. Жертвенник остыл, жрецы разбежались, вещей глас струй Каstialских умолк. Но храм оставленный – все храм, кумир поверженный – все бог. В гардеробе раздевалось два человека, на вешалках висело не более десятка плащей и пальто. Не густо будет народа на презентации, не густо. Раздевшись, я спросил у служительницы, которая, судя по ее возрасту, вполне могла видеть Семенова-Тян-Шанского, где состоится презентация общества «Путь Дракона», и получил ответ, что в малой библиотеке на втором этаже. Я поднялся наверх. Из приоткрытой гигантской дубовой двери в полу-

темный коридор лился свет. Значит, жизнь здесь все же есть. Я вошел внутрь и огляделся.

Малая библиотека представляла собой довольно большую вытянутую комнату с высокими старинными книжными шкафами по стенам. В центре практически во всю длину зала стоял длинный стол, покрытый классическим зеленым сукном. Светлился из антикварной люстры на потолке и из двух настольных ламп на столе, покрытых зелеными абажурами. Несмотря на это, свет в комнате казался каким-то янтарно-абрикосовым, каким он бывает почему-то только в старинных интерьерах. За столом сидело человек десять, публика довольно разномастная и разновозрастная. Несколько молодых людей, одна глубокая старушка (эта, скорее всего, из завсегдатаев здешних мероприятий, ей явно все равно, на что ходить – на «Путь Дракона» или на лекцию о парках Версаля) и несколько классических интеллигентов эпохи застоя – молодость их явно приходилась на эпоху брежневского детанта, и поэтому я мог практически считать их «эпохально близкими» (во всяком случае мне это лишь чуть старше, нежели мое, поколение ближе и понятнее следующего, плохо знающего, кто такой Ленин, не имеющего опыта кухонных посиделок и чтения самиздатовских распечаток и не улыбающегося при цитировании Ильфа и Петрова). Во главе стола сидел мужчина средних лет, почему-то напомнивший мне Мережковского, каким тот изображен на фотографии первого тома сытинского издания его со-

чинений 1914 года – маленький, довольно шуплый (скажем лучше, subtilный), в очках и с черной аккуратно подстриженной бородкой. Его большие черные глаза, несомненно, светились умом. Этот человек мне определенно понравился, и я почувствовал себя спокойнее. Во всяком случае, откровенных шарлатанов или сумасшедших здесь вроде бы не наблюдалось. На столе перед председательствующим я заметил желтый флажок, который успокоил меня еще больше: на нем я усмотрел иероглифы «лун дао» («путь дракона») – значит, все же Дальний Восток, а не каббала.

В зал вошел еще один человек лет сорока пяти, в джинсах, свитере и клетчатой рубашке с расстегнутым воротом. Среднего роста с русыми волосами, тонким носом с горбинкой и небольшими усиками. В руках он держал блокнот с вложенной в него шариковой ручкой. Он подошел к «Мережковскому», и они поздоровались за руку. Минут через десять (на моих часах было уже семь, начало презентации явно запаздывало) в зал вошли три дамы, одна из них серая и невзрачная («церковная мышка», – подумал я про себя), одна молодящаяся с миной КПШной жизнерадостности и турпоходовского оптимизма на лице (не люблю такой тип, очень утомляет – все эти «а я еду, а я еду за туманом» явно не для меня) и одна совершенно другого типа, энергичная, с умеренной косметикой, в хорошем брючном костюме и с очень деловым выражением на лице. «Явная феминистка», – подумал я. Две дамы уселись на стульях, а феминистка

направилась к председательствующему и что-то сказала ему на ухо, тот улыбнулся и усадил ее рядом с собой. «А вот и Гиппиус пожаловала», – возникла в голове несколько ерническая мысль.

Мужчина с усиками передал председательствующему плеер с присоединенными к нему маленькими колонками. Тот включил плеер, и из него зазвучала довольно мелодичная музыка с отчетливо восточным колоритом. Минуты через три плеер был выключен, председательствующий поднялся и заговорил приятным бархатистым баритоном:

– Уважаемые дамы и господа! Дорогие коллеги и единомышленники! Досточтимые гости! Вы прослушали гимн нашей организации, написанный нашим уважаемым секретарем Юрием Ефимовичем Анисимовым, композитором по призванию и по профессии. Конечно, мне приходится принести извинения за качество звука, но... (он широко развел руками) не будем о грустном. Пока же позвольте мне открыть наше первое официальное заседание, презентацию нашего юного общества и предоставить слово всеми нами ценимому Павлу Аркадьевичу Артамонову, без которого не то что нашего общества, но даже его идеи бы не существовало.

Раздались довольно жидкие аплодисменты. При имени Артамонова я несколько напрягся: вот он, алхимик Ильи! Как я подсознательно и ожидал, с места поднялся мужчина с усиками и заговорил медленно, слегка картавя (чувствовался очень легкий южнорусский или восточнукраинский ак-

цент). Первый оратор оказался отнюдь не златоустом (как я убедился позднее, писал он гораздо лучше, нежели говорил), но краткость была явно сильной стороной его красноречия. Воспроизвожу его краткое выступление без купюр (оно и так было крайне непродолжительным), но с некоторой стилистической коррекцией, поскольку, повторяю, элоквенция его речи была весьма относительной.

– Наше общество создано для того, чтобы мы занимались делом. Наша интеллигенция любит поболтать о высоких материях, а делом заниматься не любит. Беда России – это слово «духовность», от которого одни закатывают глаза к небеси, а другие начинают писать кипятком. Ах, духовность... Ах Восток, ах махатмы! Ах православный русский дух! Все ахи да вздохи. Наше общество не для этого, будем работать, будем заниматься делом, а не духовностью. Вначале надо языки учить и над текстами покорпеть или хоть на голове постоять, а потом уже про «духовность» говорить.

«Мережковский» слушал речь своего коллеги и, видимо, друга с легкой улыбкой. Когда тот сел на место, «Мережковский» встал и произнес:

– Ну а теперь позвольте мне предоставить слово самому себе. Поскольку у нас присутствуют уважаемые гости (он не без элегантности слегка поклонился в мою сторону), которым не имею чести быть представленным, восполню этот пробел, игнорируя как китайские, так и британские церемонии. Александр Иванович Богословский, кандидат техниче-

ских наук, философ-любитель (ничего, Юм со Спинозой тоже были любителями, – снова легкая улыбка: не воспринимайте, мол, всерьез, мании величия у меня нет) и президент этого еще пока не славного общества (аплодисменты). Позвольте мне ныне, уважаемые господа и единомышленники, представить на ваше усмотрение и рассмотрение скучный доклад или, как говаривали в старину, реферат о драконе. Ибо, не понимая символизма и семантики этого существа, вы не сможете понять целей, задач и специфики нашего, как сказано в свидетельстве о регистрации, общественного объединения граждан.

Далее последовал доклад об образе дракона в культурах мира. Не было забыто ничего – ни индийские Вритра и Шеша, ни славянский Змей-Горыныч, ни пернатый змей Кетцалькоатль, ни средневековые драконы, с которыми сражались святой Георгий Победоносец и бесстрашные рыцари из романов, сведших с ума несчастного идалго из Ламанчи. Особое место, конечно, в этом докладе было уделено Китаю, докладчик поведал о культуре Царя-Дракона (Лун-вана), об императорском «луне» и более демократическом «мане», о драконе и тигре в контексте символики даосской алхимии (наверно, результат влияния Артамонова) и о многом другом. Не забыта была и Библия, от Медного Змия, воздвигнутого Моисеем в пустыне, докладчик перешел к гностикам, рассказал об офитах и каинитах, подчеркнув, что Змий-искуситель Книги Бытия для них был Змием Моисея – грядущим.

щим Христом, благодатным избавителем и освободителем оттирании запретов злобного демиурга Иалдабаофа. Только о драконах Натана из Газы и саббатинской каббалы не было сказано ничего. И это не было подозрительным, напротив, вполне естественным: откуда им про это знать? Только у Шо-лема есть кое-что, да в паре англоязычных статей израильских ученых... Один пассаж из речи «Мережковского» (прошу прощения, Богословского) привлек мое внимание как оригинальный и достаточно остроумный. Воспроизвожу его по памяти максимально близко к тому, что звучало в тот вечер в Географическом обществе.

– Известный английский буддолог Эдвард Конзе, кстати, прошедший путь от марксизма к буддизму, в одной из своих последних книг заметил, что по какой-то странной случайности буддизм распространился только у народов, мифологии которых имели позитивный образ змеев и драконов, и не имел успеха у народов, отрицательно относившихся к этим рептилиям. Конзе ограничился констатацией этого обстоятельства, мы же должны пойти дальше и установить архетипическую связь между драконофилией и тем типом религиозности и, шире, духовности (да простит меня господин Артамонов), который представляет буддизм.

В заключение своей речи Александр Иванович упомянул Дракона Возрожденного из фэнтезийной саги Роберта Джордана «Колесо Времени» и задался вопросом: что из всего этого вытекает и что мы (то бишь члены общества) должны

делать. Ответ оказался достаточно лапидарным: идти Путем Дракона, погружаться в пучины оккультных тайн и взмывать в горние выси религиозных и мистических прозрений, исследовать добро и зло ради преобразования и обновления.

После речи шефа выступила дама с внешностью несколько увядшей светской львицы с крашеными хной волосами, которая объявила, что о-бо-жа-ет китайскую классическую литературу (а Дракон – это ведь Китай!), и поэтому прочитает несколько стихов (триолетов!), написанных под впечатлением ге-ни-аль-но-го романа Цао Сюэ-циня «Сон в красном тереме». И прочитала!

Поскольку идея писать на китайские сюжеты ТРИОЛЕТЫ показалась мне какой-то особо экстравагантно-эстетской, я взял потом у дамы тексты ее поэз и переписал их. Поэтому имею возможность воспроизвести их здесь. Триолеты, кстати, оказались вполне недурны. Что касается их содержания, то оно становится вполне понятным при чтении «Сна в красном тереме», вполне доступного для каждого русскоязычного читателя, ибо роман сей уже полвека как переведен на язык Толстого, Достоевского и Чехова. Поэтому от каких-либо комментариев содержательного плана я воздерживаюсь. Итак, русско-китайский диван мадам Тигринской. Триолеты.

1.

Пускай пока веселится
Душа, отягченная сном.
Отрок, мечтавший забыться,
Пускай пока веселится.
Час не пришел – не стучится
Бед предугаданных сонм.
Пускай пока веселится
Душа, отягченная сном.

2.

В грезах, неге, печали
Фея реки Сяосян,
Вешние дни стояли
В грезах, неге, печали.
Беды, которых не ждали,
Где розы цвели – бурьян.
В грезах, неге, печали
Фея реки Сяосян.

3.

Тоскою нефрит отуманен,
Предначертанье сбылось.
Лик его ясный печален,
Тоскою нефрит отуманен.
В райских покоях тот странен,
Чье сердце к земному влеклось.
Тоскою нефрит отуманен,
Предначертанье сбылось.

На чтении сих поэтических строк презентация (точнее, как оказалось, ее экзотерическая часть) закончилась, Александр Иванович объявил, что первое рабочее заседание общества состоится в последний четверг месяца в 19 часов в Красногвардейской районной библиотеке (Индустриальный проспект, д. 51) и что на него приглашаются все зарегистрированные члены общества и все желающие вступить в него. Засим все начали расходиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.